

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СУБКОНЦЕПТА «ЗРЕЛОСТЬ», ВЕРБАЛИЗОВАННОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ДИККЕНСА**TRANSLATION PECULIARITIES OF COGNITIVE FEATURES OF THE SUBCONCEPT "MIDDLE AGE" VERBALIZED IN CH. DICKENS'S NOVELS**

В работе описаны когнитивные признаки субконцепта «зрелость» как составного элемента сложного концепта «возраст» в произведениях Ч. Диккенса. Представлена их полевая структура, составлена графическая и словесная модели, на базе которых выявлены равноценные эквиваленты на русском языке, отражающие особенности содержания субконцепта в языке оригинала. Исследование проводится на основе семантико-когнитивного метода анализа языка с применением таких вспомогательных методов, как составление корпуса текстов, контекстуальный анализ, метод составления конкорданса, количественный анализ, описательный метод. Перевод выполнен посредством лексических трансформаций. В статье представлены результаты перевода случаев как прямой, так и косвенной номинации субконцепта «зрелость».

Ключевые слова: концепт, субконцепт, художественный концепт, когнитивный признак, семантико-когнитивный метод, лексические трансформации.

The paper describes cognitive features of the subconcept "middle age" as a component of the complex concept "age" in Ch. Dickens's works. Their field structure is presented, and a graphic and verbal model is compiled, which gave basis to Russian equivalents, reflecting the content peculiarities of the subconcept in the original language. The research is based on the semantic-cognitive method of language analysis with the use of such auxiliary methods as text corpus compilation, contextual analysis, concordance compilation method, quantitative analysis, and descriptive method. The translation is carried out by means of lexical transformations. The article presents the results of translation of cases of both direct and indirect nomination of the subconcept "middle age".

Keywords: concept, subconcept, literary concept, cognitive feature, semantic-cognitive method, lexical transformations.

Изучение художественных концептов — актуальная тема среди современных исследователей. Разные аспекты данного явления освещены в работах И. В. Черновой [1], А. В. Шутовой [2], О. С. Акединой [3], Н. О. Булгаковой [4], И. С. Добряевой [5], Н. С. Болотновой [6], Л. В. Грехневой [7], Е. Ю. Булыгиной и соавторов [8], Е. В. Костаревой и С. А. Стринюк [9], Я. В. Киселевой [10] и др.

По мнению сторонников концептологического подхода к изучению художественных произведений, концепт — структура, интегрирующая языковой и ментальный компоненты. Изучение концепта происходит посредством анализа языковых средств, вербализующих его, с последующим проникновением в более глубокие слои, стоящие за языковым знаком. Организация художественного текста строится на взаимосвязи плана выражения и плана содержания, требующего декодирования и анализа, и по этой причине некоторые методы исследования изучения концептов, в особенности лингвокогнитивные или соотносимые с мышлением отдельных представителей культуры, могут быть использованы для исследования художественных текстов.

Произведения Чарльза Диккенса, ставшие классикой мировой литературы, получают сегодня описание в рамках теории концептов. Так, утверждается, что ключевыми для концептосферы писателя являются концепты добра и зла, Рождества, морали, дома и проч. [6; 11, с. 4; 12]. Безусловно, существен для Диккенса и концепт «возраст»: художественные произведения — это, прежде всего, описание истории жизни героев — представителей разных возрастных групп, находящихся во взаимодействии.

Говоря о концепте «возраст» в художественном мире Диккенса, прежде всего упоминают субконцепт «детство». Принято считать, что для вербализации субконцепта «детство» характерна фреймовая природа, когда герои детского возраста переживают стереотипные ситуации, лишаящие детей инфантильности и требующие от них преждевременного взросления [13, с. 32]. Остальные субконцепты («молодость», «зрелость», «старость») исследователи обходят своим вниманием, несмотря на то, что в произведениях Диккенса большое количество ярких и многогранных героев всех возрастов.

Цель данной статьи — выявление когнитивных признаков субконцепта «зрелость» и обсуждение проблем перевода с английского на русский язык коннотативных значений когнитивных признаков, входящих в структуру субконцепта «зрелость». Отметим, что субконцепт «зрелость» в произведениях Ч. Диккенса исследуется впервые. Традиционно внимание исследователей привлекал лишь отдельный его компонент — женские образы [14; 15; 16]. Мужские образы, а также нейтральные признаки, не имеющие гендерной привязки, ранее изучены не были.

Для исследования субконцепта нами был выбран семантико-когнитивный метод анализа языка, разработанный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. Его основные этапы:

- 1) построение номинативного поля концепта;
- 2) анализ коннотативных значений лексических единиц, вербализующих концепт;
- 3) группировка близких по значению сем в более крупные классы — когнитивная интерпретация;
- 4) составление графической либо словесной модели концепта [17, с. 111–112].

Кроме того, применялся метод количественного анализа, предполагающий подсчет частотности вербализации когнитивных признаков концепта и расположение их в виде полей по убывающей, начиная от предъядерного или наиболее частотно вербализованного.

На этапе составления номинативного поля концепта наша работа проводилась в двух направлениях. Во-первых, мы проанализировали средства номинации представителей данной возрастной группы и заметили, что здесь преобладают типичные для английского языка лексические единицы: *man, woman, gentleman, lady* [18, с. 99]. Относительно возрастных рамок зрелыми для писателя становятся герои от 30 до 40 лет, когда происходит первое упоминание о старости.

Во-вторых, мы изучили средства вербализации признаков концепта, а точнее, характеристик героев зрелого возраста.

Придерживаясь мнения З. Д. Поповой и И. А. Стернина, говорящих о возможностях вербализации концепта не только посредством прямой номинации, но и косвенно — через контекст, мы полагаем, что это верно и для признаков концепта. По этой причине материалом для нашего исследования стали не только случаи вербализации при помощи конкретных лексических единиц, но также фрагменты текста, описывающие события, происходящие в жизни героев и косвенно вербализующие характеристики, свойственные представителям данной возрастной группы.

В данной статье нам бы хотелось отобразить результаты когнитивной интерпретации схожих по значению сем, на основании которой нами были выделены следующие когнитивные признаки: *многообразие судеб* (45 %), *дела и заботы* (23 %), *семья и дом* (22 %), *любовь* (7 %), *увядание* (5 %), *имущество* (2 %) (в % указана частотность вербализации когнитивного признака).

Остановимся на первом признаке, максимально приближенном к ядру концепта. В отличие от субконцептов «детство» или «юность», «зрелость» не имеет гуманистической составляющей, Диккенс не рисует зрелого человека добрым или злым, а смещает акцент на разнообразие характеров и судеб. Прежде всего это проявляется в выборе лексических средств прямой номинации. Диккенс не использует лексику с повышенной эмоциональной окраской, влекущую за собой коннотации божественности или порочности, даже в тех случаях, когда речь идет о поистине отрицательных героях.

В качестве примера рассмотрим отрицательного героя по имени Сайкс из романа «Оливер Твист». Поведенческая доминанта данного героя — совершение преступлений, кульминацией которых становится зверское убийство молодой девушки. Тем не менее при первом знакомстве с читателем Диккенс следующим образом пишет о нем: *He's a rough man, and thinks nothing of blood when his own is up* (здесь и далее произведения Ч. Диккенса в оригинале цит. по: [19]). Это же прилагательное автор использует при описании персонажа Джосайя Баундерби из произведения «Тяжелые времена»: *...was by no means so rough a man as Mr. Bounderby*. Поведенческая доминанта этого героя — бахвальство, напористость, эгоизм и равнодушие. Его нельзя поставить на один уровень оценочной шкалы с Сайксом, тем не менее Диккенс использует одинаковое прилагательное с целью

прямой номинации характеристик этих героев. При переводе на русский язык необходимо подобрать универсальный эквивалент, отражающий отрицательные черты характера, что-то среднее между жестокостью и отсутствием заинтересованности в чувствах других людей. Для этого прежде всего нужно произвести анализ словарной дефиниции прилагательного *rough*: **Rough** — *(of a person or their behaviour) not gentle; violent or boisterous* [20] — «(о человеке или его поведении) не мягкий, жестокий, яростный».

В первом случае значение (**not**) *gentle* — *(not) having or showing a mild, kind, or tender temperament or character* [20] — «(не) мягкий, нежный, добрый темперамент или характер» — при переводе на русский язык может быть передано при помощи прилагательного *жесткий*, которое, на наш взгляд, способно передать все необходимые коннотации прилагательного *rough* из языка оригинала: *Он жесткий человек и жаждет крови, когда его собственная кровь застилает ему глаза*.

Во втором примере целесообразно обратиться к антонимическому переводу: *...он был намного мягче, чем мистер Баундерби...*

Зрелость — пора забот. Автор пишет об этом в произведении-аллегории «Рассказ мальчика», когда при встрече со зрелым героем мужчина на вопрос о том, чем он занят, отвечает: *I am always busy* — «Я всегда занят». В остальных случаях данный когнитивный признак вербализован посредством косвенной номинации через описание деятельности героев. Семы, входящие в состав этого признака: *наличие работы, наличие занятия, которому посвящена большая часть жизни, наличие статуса*.

Рассмотрим пример описания главного героя короткого произведения «Рассказ родственника» — одинокого неудачника, у которого нет ни семьи, ни работы и его жизнь — антитеза жизни счастливого взрослого человека: *...I am expected not to be at home in the day-time, unless poorly; and which I usually leave in the morning at nine o'clock, on pretence of going to business*.

Фраза *I am expected not to be at home in the day-time*, где **to be expected** — *normal and what usually happens* [21] — «как и следовало ожидать», обладает коннотативным значением наличия норм и неписанных правил, обязующих человека работать в дневное время. То, насколько важен этот «закон», подчеркивает строка *I usually leave in the morning at nine o'clock, on pretence of going to business*, где **on pretence of (idiom)** — *using as a false reason or explanation (something that is used to hide the real purpose of something)* [22] — «под предлогом наличия дел, занятости»: зрелый человек имитирует трудовую деятельность, ежедневно выходя из дома по расписанию.

Мы бы хотели предложить следующий вариант перевода на русский язык: *Считается, что я не должен находиться дома в дневное время, если только по болезни; и откуда я выхожу по утрам в девять часов, притворяясь, что иду на работу*.

Фраза *считается, что ...должен* компенсирует коннотации словосочетания *to be normal and usual*, глагол *притворяться* — прямой эквивалент глагола *to pretend*.

Следующий когнитивный признак, находящийся в позиции, приближенной к ядру, — *наличие семьи*. Автор подчер-

кивает важность семьи посредством косвенной номинации, вербализуя сему *дом* (как домашний очаг) и описывая душевные мучения героя Стивена Блэкула из романа «Тяжелые времена», который в силу жизненных обстоятельств не может жениться на любимой женщине и завести семью. *He thought of the home he might at that moment have been seeking with **pleasure and pride**; ...of the **lightness** then in his now **heavy-laden breast**; of the then restored **honour, self-respect, and tranquillity** all torn to pieces.*

Обратимся к анализу лексем, вербализующих ощущения героя, представляющего себя в семейном кругу:

- **Pleasure** — enjoyment, happiness, or satisfaction, or something that gives this [21] — «наслаждение, счастье, удовлетворение, удовольствие».

- **Pride** — a feeling of pleasure and satisfaction that you get because you or people connected with you have done or got something good [21] — «гордость, высокомерие, тщеславие».

- **Honour** — a quality that combines respect, being proud, and honesty [21] — «честь, уважение, почтение».

- **Self-respect** — a feeling of respect for yourself that shows that you value yourself [21] — «самоуважение, чувство собственного достоинства».

- **Tranquillity** — a peaceful, calm state, without noise, violence, worry [21] — «спокойствие, безмятежность».

- **Lightness** — the state of being light [21] — «легкость».

В составе значений обнаружены синонимичные семы покоя и счастья, удовольствия, удовлетворения, гордости и уважения. Данные прилагательные имеют прямые эквиваленты в русском языке, способные передать коннотации, типичные для языка оригинала.

Метафоры **heavy-laden breast** (*heavy-laden (heavily-laden) — full of or loaded with heavy items*) [22] — букв. «тяжелая грудь» — и **torn to pieces** — *to criticize (someone or something) in a very harsh or angry way* [22] — букв. «разорванный на куски» — описывают реальное состояние героя и обладают коннотациями несчастья и безысходности. Данные метафоры возможно перевести на русский язык посредством прямых эквивалентов, но для того чтобы компенсировать эмоциональное напряжение, сопровождающее язык оригинального произведения, мы считаем целесообразным прибегнуть к подбору адекватной замены посредством метафор из русского языка, схожих по смыслу: *Он думал о доме, в который мог бы сейчас спешить с удовольствием и гордостью... о легкости вместо **камня на душе**, о вновь обретенной чести, самоуважении и умиротворении, **превратившихся в прах**.*

Параллелизм, используемый автором с целью создания коннотаций эмоциональности, также важно сохранить в языке перевода.

Любовь относится к периферическим слоям концепта «зрелость». Ее отличает осмысленность и осознанность, зрелые герои не поддаются порывам чувств, не отдаются любви с головой. Рассмотрим в качестве примера размышления героя Артура Кленнема из произведения «Крошка Доррит», которому симпатична девушка по имени Пэт: *No less a question than this: Whether he should allow himself to fall in love with Pet? He was twice her age. (He changed*

*the leg he had crossed over the other, and tried the calculation again, but could not bring out the total at less.) He was twice her age. Well! He was **young in appearance, young in health and strength, young in heart**. A man was **certainly not old** at forty... [19].*

Повтор предложения *He was twice her age* — «Он был в двое страшнее ее», упоминание дополнительного подсчета разницы в возрасте — всё это подчеркивает важность вопроса, который волнует героя. Параллельная конструкция *young in...* — «молодой (в чем-либо)», а также наречие *certainly (used to reply completely or to emphasize something and show that there is no doubt about it)* [20] — «конечно» — влекут коннотации неуверенности в себе, желания убедить самого себя в правильности своих действий, а также стеснения из-за возникшего чувства. При переводе на русский язык важно компенсировать коннотативное значение неуместности возникшего чувства, передать внутренние терзания героя: *Его занимал не менее важный вопрос: позволительно ли ему влюбиться в Пэт? Он старше ее в два раза. (Он еще раз прикинул ногу на ногу и принялся заново производить подсчет, но результат не поменялся в меньшую сторону). Он старше ее в два раза. Но! Он молодо выглядит, у него здоровье и сила, как у молодого человека, в конце концов, он молод душой! Да и вообще нельзя назвать сорокалетнего мужчину стариком!*

В данном переводе нами сохранены параллельные конструкции, а также использованы лексические добавления, способные передать коннотативное значение переживаний героя.

Зрелый возраст — время приближения старости, о чем автор напрямую говорит в контексте, связанном с 35-летней героиней Рэйчел из романа «Тяжелые времена»: *He thought of Rachael, how young when they were first brought together in these circumstances, how mature now, how **soon to grow old**.*

Автор использует параллельные конструкции, подчеркивающие эмоциональность написанного и длительность отношений (начавшихся в юности, продолжающихся в зрелости и, скорее всего, в будущем они продлятся до старости). **To grow old** — *to gradually become old* [20] — «состариться», в сочетании с наречием **soon** — *in or within a short time* [20] — «скоро, быстро», указывают на то, что 35-летний возраст близок к началу старости. *Он думал о Рэйчел — какой молодой она была, когда судьба их впервые свела вместе, какой зрелой она стала, как близок приход к ней старости.*

Сохранив параллелизм оригинального предложения, а также прибегнув к метафоризации посредством добавления выражения *судьба свела их вместе* в качестве более эмоционально окрашенного эквивалента выражения *were first brought together in these circumstances*, обладающего коннотативным значением стихийной, случайной встречи под воздействием обстоятельств, нам удалось передать эмоциональное напряжение языка оригинала.

Внешнее увядание — сема в составе когнитивного признака *приближение старости*. Герой зрелого возраста может быть похож на старика в силу отрицательных факторов, влияющих на него. Например, герой Стивен из произведения «Тяжелые времена»: *Stephen Blackpool, forty*

years of age... Stephen **looked older**, but he had had a hard life... He was usually called Old Stephen, in a kind of rough **homage** to the fact... A rather stooping man, with ...a hard-looking head sufficiently capacious, on which his **iron-grey hair** lay long and thin.

Принимая во внимания словосочетания **looked older** — «выглядеть старше, постареть», **of ...homage** (with deep respect and often praise shown for a person) — «из почтения», можно сделать вывод, что субконцепт «зрелость» пока еще частично пересекается с субконцептом «старость», полностью не переходя в него: человек обладает лишь признаками старости, но не состарился в истинном понимании этого процесса. Рассмотрим русский вариант: *Сорокалетний Стивен Блэкпул... Стивен выглядел старше, но причиной этому была его тяжелая жизнь... Обычно его называли Старым Стивеном, выказывая своего рода грубое почтение к этому факту... Довольно сутулый человек с... довольно массивной на вид головой, с длинными и тонкими волосами цвета пепла.*

Лексическое добавление фразы *но причиной этому была* компенсирует отсутствие эквивалента времени Past Perfect в русском языке, указывающего на результат действия в прошлом. Адекватная замена эпитета *iron-grey* (a slightly greenish dark gray [22] — букв. «железно-серый») на словосочетание *цвета пепла* помогает сохранить эмоциональный окрас предложения.

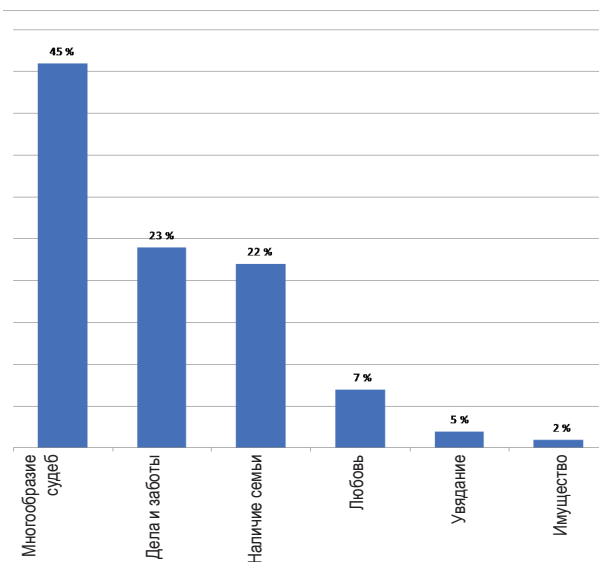
Самый отдаленный от ядра когнитивный признак — *свое имуществво*: в виде дома либо комнаты, куда герой возвращается после работы, это не столько дом в понимании «семейный очаг», сколько личная территория. Обычно Диккенс упоминает жилище при создании словесного портрета героя, поэтому частотность его вербализации невысока, но данные отрезки повествования отличает метафорический характер, так как дом героев — отражение их личности. Например, следующим образом Диккенс описывает жилище сверхпрагматичного Томаса Грэдграйнда из романа «Тяжелые времена»: ... *his matter-of-fact home / a calculated, cast up, balanced, and proved house.*

Сочетание логически несовместимых с существительным *house* прилагательных влечет за собой коннотацию отражения личности хозяина дома, а точнее, его жизненной философии, когда всё должно быть просчитано и доказано. При переводе на русский язык важно воссоздать оксюморон языка оригинала. С этой целью мы предлагаем добавить финансовую терминологию:

- **Matter-of-fact** «фактический, реальный» — syn. documentary «документальный, задокументированный» — being or consisting of documents: contained or certified in writing [22].
- **Calculate** — to determine by mathematical processes [20] — «вычисленный».
- **Cast up** — to add up (figures) in making an accounting [23] — «подсчитанный».
- **To balance** — *accounting*: to compute the difference between the debits and credits of (an account) [23] — «балансировать, уравновешивать».
- **To prove** — to test the truth, validity [20] — «доказывать, подтверждать».

Мы бы хотели предложить следующие эквиваленты словосочетаний языка оригинала: *документально заверенный дом; разнесенный по графам, суммированный, с просчитанным остатком и выверенный дом.*

На основе проведенного анализа нами была составлена графическая модель концепта (см. рис.).



Графическая модель субконцепта «зрелость»

Предъядерный слой субконцепта «зрелость» неустойчив и неоднороден. Под понятием *многообразие судеб* мы понимаем всё многообразие характеров героев — положительных и отрицательных. Данная особенность вербализации когнитивного признака проявляется, прежде всего, в подборе лексики. Автор использует нейтральные прилагательные, в результате чего происходит сдвиг парадигмы «положительный — отрицательный» в сторону «нейтральный» герой. Данную особенность следует учитывать при переводе на русский язык, когда переводчику важно избежать эмоционально-окрашенных лексем языка перевода, следует обращаться к прямым эквивалентам.

Вторым по частоте вербализации является такой когнитивный признак субконцепта «зрелость», как *наличие дел и забот*. Автор использует прямые средства вербализации, а также достаточно часто косвенно вербализует данный признак при описании ежедневной активности зрелых персонажей. При переводе на русский язык необходимо обратить внимание не только на лексические средства вербализации, а также на грамматические конструкции, используемые автором.

Частота вербализации когнитивного признака *наличие семьи* незначительно меньше частоты вербализации вышеупомянутого признака *наличие дел и забот*, а также его отличает устойчивость. Независимо от статуса, жизненных взглядов, зрелый человек счастлив в семье, о чем свидетельствует наличие большого количества случаев прямой номинации данного когнитивного признака с сопутствующими положительными коннотациями. Данный когнитивный признак вербализован посредством большого количества эмоционально окрашенной лексики и параллелизма. При переводе на русский язык необходимо компенсировать повышенную эмоциональность, связанную с данным когнитивным признаком.

Тема *любви* — одна из отдаленных от ядра. Это своего рода остаточное явление периода «молодость», когда данный когнитивный признак является ведущим. Таким образом, мы можем наблюдать наложение друг на друга полей субконцептов, входящих в состав сложного концепта «возраст». При переводе важно подобрать эквиваленты и грамматические конструкции, предающие неловкость влюбленного, неуместность данного чувства.

Когнитивный признак *увядания* героев также находится на периферии и пересекается с полем другого субконцепта — «старость». Его вербализация осуществляется посредством прилагательных, описывающих внешность, так как старость в истинном ее понимании еще не настала, начали проявляться только ее внешние признаки. Переводчику важно передать данное коннотативное значение, подчеркнуть внешнюю состаренность.

Наиболее отдаленный от ядра когнитивный признак — *наличие имущества*. Автор описывает личную территорию героев зрелого возраста и элементы этого художественного пространства, но делает это зачастую в форме добавления одного из штрихов к портрету взрослого человека, который к своим годам независим и самостоятелен. Данный когнитивный признак имеет, с одной стороны, фоновый характер, но, с другой, является отражением личности персонажа. При переводе важно сохранить стилистическую окраску прилагательных, описывающих жилище: они должны быть равнозначны прилагательным, описывающим характер героя.

1. Чернова И. В. Концептуализация понятия «отель» в индивидуально-авторской картине мира (на материале романа А. Хейли «Отель»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2015. 25 с.

2. Шутова А. В. Концептуальный анализ художественного текста как основа формирования текстовой компетенции // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2017. № 11 (188). С. 41–45.

3. Акетина О. С. Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 13–18.

4. Булгакова Н. О., Седелникова О. В. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.

5. Добряева И. С. Семиотическое развитие семантической структуры индивидуально-авторского концепта Г. Лоусона «Mate/Mateship» // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 625–636.

6. Болотнова Н. С. О вариативном потенциале художественного концепта в поэтических текстах // Вестн. Том. гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. № 6 (159). С. 118–125.

7. Грехнева Л. В. Концепт «Чувствительность» в творчестве Н. М. Карамзина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 130–133.

8. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., Ференц П. Художественные концепты *зависть* и *ревность* в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык // Русин. 2017. № 2 (48). С. 51–68.

9. Костарева Е. В., Стринюк С. А. Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 19–47.

10. Киселева Я. В. Концепт «мораль» и его модальное отражение в романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 96–101.

11. Потанина Н. Л. Диккенс в современной России: актуальные итоги и перспективы исследования (к 200-летию со дня рождения писателя) // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 9–16.

12. Бондаренко М. И. Использование метода проблемного обучения при изучении «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса в вузе с целью формирования профессиональных компетенций учителя-словесника // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1 (январь). URL: <http://e-koncept.ru/2019/191005.htm> (дата обращения: 12.02.2020).

13. Бабук А. В. Мотив детского страдания в контексте англикано-протестантской этики Ч. Диккенса и христологии Ф. М. Достоевского // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки: Материалы XV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). 2016. № 3 (94). С. 31–34.

14. Мухаммедова Х. Э. Женские образы в произведениях Ч. Диккенса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 158–164.

15. Бячкова В. А. О парадоксе женских и детских образов в романах Ч. Диккенса: к постановке проблемы // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33) С. 86–92.

16. Кончакова С. В. «Лики ангелов»: изображение женских характеров в позднем творчестве Ч. Диккенса // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 32–42.

17. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : моногр. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.

18. Авдеева О. А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.

19. Dickens Ch. The complete works. London : Chapman & Hall ; New York : Oxford University Press Collection, 1900–1923.

20. Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 21.08.2020).

21. Merriam-Webster Dictionary Online. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 21.08.2020).

22. Oxford Dictionary Online. URL: <https://www.lexico.com> (дата обращения: 21.08.2020).

23. Чмель А. В. Англо-русский словарь бухгалтерских терминов. М. : Финансы и статистика, 1998. 176 с.